

Павел Лизунов

Полцькие банкиры и петербургские банки : середина XIX - начало XX в.

Przegląd Wschodnioeuropejski 3, 101-115

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ПАВЕЛ ЛИЗУНОВ

Северодвинский филиал Поморского
государственного университета им. М. В. Ломоносова

ПОЛЬСКИЕ БАНКИРЫ И ПЕТЕРБУРГСКИЕ БАНКИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Появление частного коммерческого кредита в России произошло значительно позднее чем в Западной Европе. Первые акционерные коммерческие банки появились лишь в конце 1860 – начале 1870-х гг. Некоторые из них были учреждены при активном участии польских финансовых магнатов – Л. Л. Кроненберга, С. А. Френкеля, М. Г. Эпштейна, И. С. Блюха и др. Дореволюционный российский историк-экономист И. И. Левин отмечал:

Теснее связанные с Западом и ближе знакомые с его учреждениями, чем прочая Россия, ранее обзаведшаяся у себя банками, Прибалтийский край и Польша служили мостом, передаточным пунктом между Россией и Западом. В частности, роль их была значительна и при возникновении первых акционерных коммерческих банков. Более развитые окраины, обладавшие уже известным накоплением свободных капиталов, стремившихся к экспансии, создали экспорт капиталов, а еще более – предпринимателей-банкиров во внутреннюю Россию¹.

Еврейские купцы давно играли важную роль в различных отраслях торговли и промышленности Польши, и особенно в банковском деле. Так, в 1847 г. из 20 варшавских банкиров 17 были иудеи или имели еврейские корни².

В Петербурге, напротив, до начала 1860-х гг. евреев было не много. Еще в 1858 г. газета «С.-Петербургские ведомости» писала, что в столице встречается как исключительное явление «еврейский тип, к которому так не привык глаз петербургского жителя»³. Только с 1859 г. после опубликования специального закона еврейским купцам 1-й гильдии

¹ И. Левин, *Акционерные коммерческие банки России*, М., 2010, с. 75.

² *Варшава*, «Электронная еврейская энциклопедия», <http://www.eleven.co.il/article/10850>.

³ *Петербургская летопись*, „Санкт-Петербургские ведомости” 1858, 20 июля.

с семьями и приказчиками было разрешено постоянно проживать во всех городах Российской империи⁴.

С этого времени началось переселение богатых еврейских купцов в Петербург. В поразительно короткое время, буквально за несколько лет, в Петербурге появилось десятки, сотни еврейских купцов. Анонимный автор, являвшийся доверенным лицом банкиров Гинцбургов, писал: «В выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик – в предпринимателя высокого полета, а их служащие – в столичных денди»⁵. Среди них был немало выходцев из Польши.

Из польских банкиров, внесших наибольший вклад в становление петербургских коммерческих банков, были Кроненберги. Основателем этой банкирской династии был Самуил Кроненберг, женатый на Текле Левек (Леви). Их сын Леопольд Кроненберг (1812–1878), крестившийся в 1845 г., первоначальный капитал нажил на разработке каменного угля по берегам р. Вислы и на табачной монополии. Вскоре Кроненберг стал одним из самых богатых варшавских купцов, промышленников и землевладельцев. Он являлся одним из крупнейших акционеров Общества Варшавско-Венской железной дороги, учредителем Общества Варшавско-Тереспольской железной дороги, был председателем правлений Варшавского страхового от огня общества, Варшавского товарищества сахарных заводов. В 1869 г. он основал в Варшаве крупную табачную фабрику. Однако основная деятельность Л. Кроненберга была связана с банковской сферой. Он занимал должность управляющего варшавскими филиалами французских банков Лионский кредит (Credit Lyonnaise) и Кредит Мобилье (Credit Mobilier), а в 1851 г. основал свой собственный банк. Кроме того, Кроненберг был одним из учредителей Петербургского Учетного и ссудного банка (1869) и Коммерческого банка в Варшаве (1870). По утверждению современников, Кроненберг «в течение 15 лет был душою всех финансовых и коммерческих дел в Варшаве»⁶.

Л. Кроненберга за его осторожность и дипломатичность часто называли «белым банкиром». Это помогло ему без существенных потерь пережить польское восстание 1863 г. Леопольд Кроненберг был отцом Станислава и Леопольда – представителей второго поколения польских банкиров и промышленников семьи Кроненберг.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи, собр. II, т. XXXIV, ст. 34248, с. 206–207.

⁵ Н.Н., *Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека*, „Еврейская старина” 1914, т. 7, с. 431.

⁶ Ю. Иверсен, *Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц*, СПб., 1880, т. 1, с. 318.

Станислав Леопольдович Кроненберг (1846–1894) после окончания гимназии в Варшаве уехал во Францию. Там в течение двух лет он изучал экономику и финансы и даже получил ученую степень доктора философии. Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Кроненберг участвовал в обороне Парижа, получил звание лейтенанта и был награжден крестом ордена Почетного легиона. После смерти отца он вернулся в Варшаву и возглавил управление всеми банковскими и коммерческими предприятиями своего покойного родителя. Он избирался председателем Варшавско-Венской, Варшавско-Тереспольской железнодорожных линий и Верхней Вислы, президентом Банка Торговли, директором и членом правлений целого ряда других коммерческих учреждений.

С именем С.Л. Кроненберга был связан судебный процесс, скомпрометировавший его имя. Этот процесс широко освещался в прессе и вызвал широкий отклик в самых различных слоях общества⁷. Дело слушалось 23–24 января 1876 г. в Петербургском окружном суде и привлекло внимание Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, других писателей и публицистов⁸. Оказалось, что Кроненберг систематически применял физические наказания к своей семилетней дочери Марии, жестоко избивал ее розгами, лишал пищи. Защитником был приглашен знаменитый адвокат В.Д. Спасович, благодаря которому процесс закончился оправдательным приговором суда присяжных.

Леопольд-Юлиан Леопольдович Кроненберг (1849–1937) после окончания гимназии сначала изучал право, а затем сельское хозяйство в Германии. Еще при жизни отца он был назначен управляющим филиала Варшавского Коммерческого банка в Петербурге. Однако в 1887 г. был вынужден подать в отставку, чтобы из-за болезни старшего брата заняться делами семейного банкирского дома, а также управлением железными дорогами, связанными с семейным бизнесом. В 1893 г. в знак признания особых заслуг Л. Л. Кроненберг получил наследственный баронский титул Российской империи.

Не меньшей известностью пользовались банкиры Френкели и Лясские, связанные друг с другом не только деловыми, но и родственными отношениями. Основателем и владельцем значительного банкирского дома

⁷ А. Суворин, *Недельные очерки и картинки*, „Биржевые ведомости” 1876, 1 февр.; А. Пятковский, *Банкир-педагог и его защитник: О судебном процессе Кроненберга*, СПб., 1876 (Отг. из „Народная школа” 1876, № 12); „Санкт-Петербургские ведомости” 1876, 1 февр.; *Дело г. Кроненберга и его защитник*, „Петербургская газета” 1876, 25 янв. и др.

⁸ Ф. Достоевский, *Дневник писателя за 1876 год*, собр. соч. в 15 т. Т. 13, СПб., 1994, с. 56–59; М. Салтыков-Щедрин, *Недоконченные беседы («Между делом»)*, собр. соч. в 20 т. Т. 15, с. 212–226.

«С. А. Френкель» в Варшаве был Самуил-Леопольд-Антон Френкель (1773–?). Он был одним из учредителей Главного общества российских железных дорог, пайщиком банкирского дома «Жадимеровский, Баймаков и К?» в Петербурге и других предприятий. В 1806 г. в 33-летнем возрасте Френкель вместе со своей женой Амалией и детьми крестился в Варшаве. Их сын Антон-Эдуард Френкель (1809–1883) – также был варшавским и петербургским банкиром, одним из учредителей Петербургского Международного коммерческого банка (1869), Русского для внешней торговли банка (1871) и Центрального банка русского поземельного кредита (1873). В 1839 г. А. Э. Френкель был возведен в дворянское достоинство, а в 1857 г. император Александр II «за примерное усердие, оказание возложенных на него правительством поручений особой важности и полезные его труды на поприще обширной торговой деятельности» пожаловал ему баронский титул.

Соучредителем и директором варшавского банкирского дома «С. А. Френкель» был Александр-Карл Ляский (1796–1850). Его мать Амалия (1776–1850), в девичестве Якубович, дважды была замужем. В первом браке за Карлом-Ян-Хаимом Ляским (Ласким) (?–1802), а во втором – за С. А. Френкем. От первого замужества у Амалии было двое сыновей – Иосиф и Александр-Карл Ляские⁹. Последний с 1835 г. был совладельцем фирмы «С. А. Френкель», которую передал своему сыну Владиславу Александровичу. В. А. Ляский (1831–1889) родился в Дрездене, в 1842–1852 гг. изучал дипломатию и экономику в Дерпте, затем путешествовал по Европе, повышая свое образование в области банковской деятельности. Вернувшись в Варшаву, он занялся делами банкирского дома «С.А. Френкель», которым руководил в 1864–1870 гг. Его родной брат Александр Ляский (1828–1880) в начале 1860-х гг. был председателем Польского банка, но после восстания 1863 г. уехал в Лондон, где также занимался банкирским бизнесом.

В 1869 г. В. А. Ляскому предложили возглавить Петербургский Международный коммерческий банк. Директором и членом правления этого банка он оставался в течение 20 лет, до своей смерти в 1889 г. Кроме того, Ляский был членом Учетного комитета Государственного банка, членом совета Варшавско-Венской железной дороги, членом правления Главного общества российских железных дорог, членом Петербургского биржевого комитета, участвовал в различных промышленных и торговых предприятиях в Петербурге и Царстве Польском. В оценке современного петербургского историка С. К. Лебедева,

⁹ И. Антошевский, *Евреи-христиане. Историко-генеалогические заметки*, СПб., 1907, с. 17.

В. А. Ляский олицетворял собой сошедший со сцены к 90-м годам тип грюндера пореформенной эпохи [...] более солидного, чем деятели следующего поколения, действовавших с гораздо большим размахом за чужой счет¹⁰.

Появление в Петербурге значительного числа польско-еврейских банкиров вызывало серьезные опасения у некоторых российских политиков, экономистов, журналистов и обывателей. Граф Н. П. Игнатьев в марте 1881 г., накануне своего назначения на пост министра внутренних дел, писал:

В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел¹¹.

По утверждению бывшего чиновник Главного управления по делам печати, издателя и редактора «Журнала для акционеров», «Коммерческой газеты», «Биржевых ведомостей» К.В. Трубникова скрытая борьба немецких и еврейско-польских банкиров за влияние в сфере российских финансов началась с 1870-х гг. Он уверял, что еще до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «еврейская клика сделалась политической силой» в России. Еврейские купцы стали преобладать в казенных подрядах, они завладели торговлей вином и монополизировали банковское дело в России. Трубников полагал, что:

Без участия биржевых еврейских тузов оказалось даже невозможным вести войну. В руках еврейских купцов оказалась такая важная операция, как поставка продовольствия армии. Все железнодорожные пути сообщения находились в распоряжении евреев; банковские операции находились под их непосредственным влиянием. На бирже евреи забрали в свои руки главные отрасли торговли и промышленности¹².

Похожие утверждения содержатся в мемуарах П. Ю. Венгеровой (рожденной Эпштейн), которая принадлежала к высшим слоям еврейского общества. Она вспоминала:

¹⁰ С. Лебедев, *С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX в.: европейские и русские связи*, М., 2003, с. 66–69.

¹¹ Цит. по: П. Зайончковский, *Попытка созыва Земского собора и падение министерства Н.П. Игнатьева*, «История СССР» 1960, № 5, с. 127.

¹² *Устроители «правящего класса» в России*, «Русский экономист», 1884, вып. 3, с. 82.

Со временем стало очевидно, что евреи добились неожиданно большого влияния в области торговли и промышленности. Никогда прежде евреи в Санкт-Петербурге не вели такой благополучной жизни, поскольку столичные финансы частично находились в их руках. Возникли еврейские банки. Были основаны акционерные компании, руководимые евреями. Биржевые и банковские операции достигли небывалого размаха [...] Этот вид коммерческой деятельности был в России чем-то новым. Однако евреи прямо-таки гениально осваивали ее правила, даже те, чье образование исчерпывалось Талмудом¹³.

П. Ю. Венгерова была в родстве с польскими банкирами Эпштейнами. Основателем банкирского дома являлся Яков Эпштейн, купец из Пилицы. Особенно значительных успехов достиг его внук – Мечислав Германович Эпштейн (1830–?), крестившийся в 1865 г. в Париже. В 1871 г. он основал Варшавский учетный банк, ставший одним из первых акционерных банков в России. Его сын потомственный почетный гражданин Ефим Моисеевич Эпштейн был членом правления Азовско-Донского коммерческого банка, директором правления акционерного общества Большевской мануфактуры, членом совета Киевского Частного коммерческого банка, председателем правления Общества Северных бумажных фабрик в Петербурге, администратором товарищества «С. М. Шабишев и Ко?», членом Комитета совета съездов представителей акционерных коммерческих банков, преподавателем Петербургского института высших коммерческих знаний.

Некоторые петербургские банки имели репутацию польско-еврейских банков. Когда учреждался Петербургский Учетный и ссудный банк, в котором приняли участие еврейские банкиры О. Г. и Г. О. Гинцбурги совместно с варшавским банкиром Л. Кроненбергом, в высших административных сферах решили противопоставить их влиянию утверждение устава другого банка без участия еврейских банкиров. Таковой был основан под названием Петербургского Международного коммерческого банка. Этому банку были дарованы особые преимущества, которые ни прежде, ни в последствии, не были даны ни одному акционерному банку. Управление первым было доверено еврею А. И. Заку. Второй со дня своего возникновения находился в управлении банкира польского происхождения В. А. Ляского.

Вскоре разрешено было открыть в Петербурге отделение Варшавскому Коммерческому банку (Невский пр., 34). Обороты этого отделения значительно превосходили те, которые Варшавский банк совершал в Польше. Но этим дело не кончилось. По утверждению журнала «Русский

¹³ П. Венгерова, *Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX веке*, Иерусалим; М., 2003, с. 244.

экономист» польско-еврейская биржевая клика задумала учредить в Петербурге еще один банк, когда стало известно желание нескольких русских капиталистов основать действительно российский банк с несколькими отделениями за границей. Пользуясь большим влиянием в финансовых сферах банкиры польского и еврейского происхождения при помощи нескольких немецких и русских фирм в начале 1870-х гг. поспешили учредить Русский для внешней торговли банк. Управление этим банком со дня основания перешло к варшавским банкирам еврейского происхождения Ф. Л. Гальперту и А. О. Френкелю. Феликс Львович Гальперт (Галперт) (1822–1897?) был директором Русского для внешней торговли банка с 1876 по 1890 гг., а также членом Оценочного комитета Государственного банка, членом совета и директором Коммерческого банка в Варшаве. А.О. Френкель исполнял должность директора Русского для внешней торговли банка в 1892–1897 гг.

Таким образом, по мнению журнала «Русский экономист», почти все акционерные банки в Петербурге, кроме Волжско-Камского, попали в польско-еврейские руки¹⁴.

Экономист и публицист правых взглядов В.И. Гурко (будущий товарищ министра внутренних дел П. А. Столыпина и член Государственного Совета) публично заявлял: «Место русского купца все более и более занимает евреем. Кредит давно стал стихией евреев. Крупнейшие банки страны почти все уже в их руках»¹⁵.

Заметной фигурой среди польских банкиров был Иван Станиславович Блюх (Ян Богумил Готлиб Блох) (1836–1901), крестившийся в 1851 г. Родоначальником семьи был бедный, но энергичный еврей Семен Блох, который переселился из Познани в Радом, где открыл мастерскую по окраске шерстяных изделий. Его сын Станислав Блох продолжил дело отца и владел уже небольшой фабрикой.

После окончания реального училища в 1854 г. И.С. Блюх сначала служил в банке Теплица в Варшаве, затем переехал в Петербург. В конце 1860-х гг. он занялся железнодорожным строительством. Начинал мелким подрядчиком Киево-Варшавской железной дороги, которую строил инженер С. В. Кербедз. Блюх брал подряды на устройство части какой-нибудь станции или платформы. Позже, являясь уже концессионером, он строил часть Либаво-Роменской дороги, превратившись в крупного железнодорожного дельца, возглавил Общество Юго-Западных железных

¹⁴ Устроители «правящего класса» в России, „Русский экономист” 1884, вып. 3, с. 83.

¹⁵ В. Гурко, Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономический этюд, СПб., 1902, с. 199.

дорог¹⁶. Блюх являлся членом совета Главного общества российских железных дорог, директором правлений Общества Страховицких горных заводов, Товарищества Житынского рафинадного завода и др.

По словам С. Ю. Витте, Блюх был человеком малообразованным, но чрезвычайно способным. Разбогатеv, он несколько лет провел за границей, где занимался самообразованием и даже слушал лекции в Берлинском университете. Вернувшись из заграницы, Блюх поселился в Варшаве, где открыл банкирскую контору и начал уже самостоятельно строить целые железные дороги. Так, Лодзинская железная дорога была построена им одним и только на его деньги¹⁷. Все железнодорожные магнаты имели тесные связи с банками, через которые осуществлялись денежные операции. Блюх являлся учредителем Коммерческого банка в Варшаве (1870) и Варшавского страхового от огня общества (1870).

В 1877 г. Блюх был возведен в потомственное дворянство вместе со своими детьми (сыном Генрихом-Яном и дочерьми Марией, Екатериной, Александрой, Эммой, Эмилией и Иоанной-Марисей), как награжденный орденом св. Станислава 4-й степени. Он также имел звание коммерции советника и чин действительного статского советника.

Блюх прославился как писатель-экономист, автор многотомных сочинений по истории русских и польских финансов, истории железнодорожного строительства, экономике железнодорожного транспорта, сельского хозяйства, еврейскому вопросу¹⁸. За свои исследования он был назначен членом Ученого комитета Министерства финансов.

Все ученые труды Блюха, как не без основания полагали, писались не им, а различными специалистами за деньги, которые он им платил. Сам Блюх только составлял, и то с помощью своих сотрудников, план трудов, которые затем издавал под своим именем. В лучшем случае, как уверяли, он лишь редактировал свои сочинения. Витте вспоминал, как однажды Блюх преподнес Керbedзу свою многотомную «Историю русских железных дорог» с подробным графическим атласом¹⁹. Керbedз очень

¹⁶ С. Витте, *Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи*, СПб., 2003, т. 1, кн. 1, с. 109–110.

¹⁷ Там же, с. 110.

¹⁸ И. Блюх, *Финансы России XIX столетия: История-статистика*, в 4 т, СПб., 1882; И. Блюх, *Сравнение материального быта и нравственного состояния населения в черте оседлости евреев и вне ее: Цифровые данные и исследования по отношению к еврейскому вопросу*, СПб., 1891; И. Блюх, *Финансы Царства Польского за время существования казначейства Царства с 1 июня 1815 г. по 31 декабря 1866 г. : Финансовое ведомство и управление и податная реформа в Царстве Польском*, СПб., 1897 и др.

¹⁹ И. Блюх, *Влияние железных дорог на экономическое состояние России*, в 5 т. СПб., 1878–1878.

благодарил за подарок, а потом как бы наивно спросил, прочел ли тот сам эти книги. Блюх, как вспоминал Витте, очень обиделся²⁰.

Позже Блюх увлекся пропагандой идеи мира, ездил за границу, где устраивал различные конференции. В 1893 г. он написал книгу «Будущая война, ее экономические причины и последствия», а в 1898 г. опубликовал пятитомное сочинение под названием «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Полагали, что в их написании принимали участие офицеры разных европейских армий, в том числе русского Генерального штаба. В 5 томах рассматривались как сугубо военные вопросы, например, виды огнестрельного оружия, средства защиты, значение артиллерии, кавалерии, пехоты и морского флота, численность европейских армий и управление ими, так и экономические проблемы, связанные с военными расходами и потерями. К каждому тому прилагались многочисленные таблицы, диаграммы, чертежи и иллюстрации. В последнем томе были изложены идеи о разрешении мирным путем международных столкновений, вечном мире и пропаганде против милитаризма, степени вероятности войны с политической точки зрения и вероятных людских потерях при будущей войне. В 1899 г. Блюх был представителем России на Гаагской мирной конференции, и даже вместе с Ф. Ф. Мартенсом и Николаем II был номинирован на Нобелевскую премию мира.

Значительным авторитетом пользовалась банковская контора «Маврикий Нелькен», основанная варшавским купцом Маврикием Нелькеным (1822–?). Она была учреждена в 1863 г. в Варшаве и располагалась в Краковское предместье, 77. В начале 1870-х гг. банковская контора «Маврикий Нелькен» открылась и в Петербурге на Невском проспекте. Несколько раз она меняла адреса, но неизменно оставалась на главной улице столицы. С середины 1870-х до 1889 г. ее владельцем был варшавский и петербургский купец 1-й гильдии Станислав Германович Ганфблум (1842–1907). Он женился на вдове хозяина банковской конторы Генриетте Карловне Нелькен и взял на воспитание ее 4 детей от первого брака.

Совладельцем банковской конторы «Маврикий Нелькен» в Петербурге в 1890 – начале 1900-х гг. был еще один выходец из Польши – Станислав Бернардович Кафталь (1858 – не ранее 1918), член правления Акционерного общества Южных маслособойных и химических заводов «Саломас», кандидат коммерческих наук, потомственный почетный гражданин (1898).

1 октября 1908 г. вместо закрывшейся банковской конторы «Маврикий Нелькин» был открыт банковский дом «Кафталь, Гандельман и К?»

²⁰ С. Витте, *Указ. соч.*, с. 111–112.

(Невский пр., 27–18). Учредителями ее были С.Б. Кафталь и Герц Михайлович Гандельман (1875–?), ставшие полными товарищами учрежденного банкирского заведения. Соучредителями были инженер-технолог Иван (Ян) Бернардович Кафталь (1856–?) и Павел Яковлевич Хесин (1849–1924)²¹.

Личный почетный гражданин И. Б. Кафталь родился в Варшаве, образование получил в Петербургском Технологическом институте, который окончил в 1879 г. Он был управляющим шоколадной и бисквитной фабрики «Блигкен и Робинсон» в Петербурге (1883–1894), директором-распорядителем Товарищества Невского крахмального завода (1894–1897), занимался торговлей чаем, кофе, сахаром и колониальными товарами под фирмою «Кафталь и К?» (Гороховая, 17).

В финансовом мире «Кафталь, Гандельман и К^о» имел репутацию «антагониста» другого петербургского банкирского дома «З.П. Жданов и Ко?». Если последнего называли «магом в деле повышения», то первого – «кудесником в деле понижения» биржевых цен. Обоих считали

двумя китами, вокруг которых разыгрывались все перипетии биржевой игры, оба представляли два полюса той биржевой спекуляции, около которой вращалось колесо биржевого счастья, спекулятивной удачи²².

Вследствие многочисленных жалоб от клиентов «на неправильные действия по их счетам» 27 сентября 1912 г. министр финансов В.Н. Кокцов назначил ревизию банкирского дома «Кафталь, Гандельман и К?»²³. Журнал «Экономист России» отозвался о ней как «сенсации среди биржевиков»²⁴. «Деловой мир Петербурга, мир банкирских дельцов, биржевых игроков и финансовых кругов, – утверждало «Финансовое обозрение», – был [...] поражен вестью, что Кредитная канцелярия обратила свое внимание на банкирскую контору «Кафталь, Гандельман и Ко?». Ревизия стала неожиданностью для многих²⁵. Полагали, что поводом для проверки стало чрезмерное увлечение банкирского дома искусственным понижением. Журнал «Биржа» опубликовал целую подборку мнений прессы по поводу ревизии «Кафталь, Гандельман и Ко?». В Министерстве финансов заявляли, что за последнее время жалобы

²¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.), ф. 2115, оп. 1, д. 66.

²² „Финансовое обозрение” 1912, № 21, с. 3.

²³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 583, оп. 19, д. 131, л. 5–6 об., 9–10, 11–11 об., 70–71, 139, 144 и др.

²⁴ З-нь А., *Ревизия и онкольные операции*, „Экономист России” 1912, № 42, с. 2–4.

²⁵ Там же.

поступали не только от клиентов банкирского дома, но и со стороны многих петербургских банков²⁶.

Ревизии частных кредитных учреждений были крайне редки, что сразу вызвало среди биржевиков и публики предположение о чем-то незаконном и недозволенном в действиях банкирской конторы.

При ревизии был установлен ряд серьезных нарушений²⁷. На основании этого Министерство финансов постановило закрыть банкирскому дому «Кафталь, Гандельман и Ко?» кредит в Государственном банке. Причиной «расправы» над банкирским домом, по мнению журнала «Банки и биржа», являлось то, что его считали «еврейским банком», и к нему испытывал «неприязнь» министр финансов В. Н. Коковцов. При этом редакция ссылалась на многочисленные публикации на эту тему в парижской финансовой прессе²⁸.

В октябре 1913 г. руководители этого банкирского заведения были преданы прокурорскому надзору. 16 ноября С. Б. Кафталь, Г. М. Гандельман, П. Я. Хесин и И. Б. Кафталь подписали договор о прекращении деятельности своего банкирского дома²⁹.

Бывший банкирский дом «Кафталь Гандельман и Ко?» продолжил свою деятельность как торговый дом. Располагался он также на Невском пр., 42. Однако несчастья продолжали преследовать дом «Кафталь Гандельман и Ко?». В 1917 г. он подвергся ограблению: несгораемые шкафы были взломаны, а деньги и ценные бумаги похищены³⁰.

Крупнейшими варшавскими и петербургскими банкирами была семья Вавельберг. Основателем дома «Г. Вавельберг» был Гириш Генрик (Генрих Михайлович) Вавельберг (1813–1891), происходивший из бедной еврейской семьи. Его отец был текстильным торговцем в Польше, затем уличным швейцаром. С детства Генрих Вавельберг работал на складе железа компании Prywes, затем в магазине сигар, клерком в лотерейной конторе. Однажды на него обратил внимание граф Ф. К. Нессельроде, который был постоянным клиентом конторы. Нессельроде одолжил Вавельбергу некоторую ссуду, позволившую тому открыть в 1846 г. в Варшаве небольшую обменную контору «Г. Вавельберг». Это было время процветания для банковских и финансовых предприятий, необходимых для мобилизации капиталов для строительства железной дороги Варшава-Вена.

Через два года, в 1848 г. Генрих и его брат Ипполит открыли в Варшаве уже банкирский дом «Братья Вавельберг». К концу 1850-х гг. обменная

²⁶ «Биржа» 1912, № 40, с. 5–6.

²⁷ ЦГИА СПб., ф. 2115, оп. 1, д. 6, л. 6.

²⁸ См.: «Банки и биржа» 1913, № 25.

²⁹ РГИА, ф. 583, оп. 19, д. 131, л. 242–242 об.

³⁰ ЦГИА СПб., ф. 946, оп. 1, д. 9, л. 1.

контора была объединена с банкирским домом, став его отделением. Основным источником доходов была выдача краткосрочных кредитов средним торговцам, владельцам небольших лавок. Обменное отделение оказывало услуги по переводу валют, взимая небольшой процент за операции. Банкирский дом «Братья Вавельберг» открыл свои филиалы в Вене, Львове, Познани и Вроцлаве. Ипполит Вавельберг с середины 1870-х гг. перестал заниматься делами семейного предприятия, хотя оно продолжало называться банкирским дом «Братья Вавельберг». Варшавское отделение возглавил зять Г. Вавельберга С.М. Ротванд.

Станислав Матвеевич Ротванд (1839–1916) родился в Варшаве, где провел детство, получил среднее образование и крестился в 16-летнем возрасте. В 1860 г. он окончил Московский университет со степенью кандидата права и занялся адвокатской деятельностью. С введением в 1874 г. Судебных уставов Ротванд числился присяжным поверенным округа Варшавской судебной палаты. В 1875 г. он женился на Марии-Анне Вавельберг. С 1880 г. Ротванд в качестве совладельца банкирского дома «Г.В. Вавельберг» стал принимать деятельное участие в делах семейной фирмы, преимущественно в Польше. С конца 1880-х гг. он состоял членом и товарищем председателя Варшавского биржевого комитета, с 1903 г. – старшиной варшавского купечества. Помимо этого, Ротванд был председателем Комитета варшавского музея промышленности и сельского хозяйства, председателем попечительских советов коммерческих училищ в Варшаве, почетным попечителем учрежденного им в Варшаве среднего технического училища, членом наблюдательного комитета Варшавского кредитного общества и многих других общественных и финансовых учреждений³¹.

Деятельность банкирского дома «Г. В. Вавельберг» сводилась к инвестированию и привлечению сторонних средств в учреждение акционерных обществ по строительству железных дорог, позднее в создание системы эмеритальных (пенсионных) касс на железных дорогах юго-запада России и Царства Польского. С середины 1880-х гг. дом стал активно участвовать в страховом и ипотечном деле на территории Варшавы. Вавельберги были в доле почти во всех предприятиях Блюха (Торговый банк в Варшаве, Частный Виленский торговый банк, Варшавское Товарищество страхования от огня, Товарищество кредита города Варшавы и др.), когда тот не мог участвовать в деле официально или не желал открыто проявлять своего участия.

В 1870 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» открыл свой филиал в Петербурге. Его возглавил сын варшавского и петербургского купца 1-й гильдии Генриха Вавельберга – Ипполит Генрихович (Андреевич) (он же

³¹ *Торгово-промышленный мир России*, СПб., 1915., отд. 1, с. 7.

Гунне Нунсен) Вавельберг (1843–1901). В 1861 г. после окончания гимназии в Варшаве в соответствии с волей отца он поступил в институт сельского хозяйства и лесоводства в Маримонте. Участие в польском восстании 1863 г. вынудило И. Вавельберга из-за опасения ареста по совету отца уехать в Берлин. Там в 1869 г. он окончил Коммерческую академию. Получив образование, И. Вавельберг вступил в семейное дело.

И. Г. Вавельберг считал себя «поляком Моисеева закона», много жертвовал на развитие польской культуры, принимал активное участие в еврейской жизни. Он был членом правления Петербургской еврейской общины и синагоги, Общества распространения просвещения среди евреев, членом казначейства Еврейского колонизационного общества.

В 1886 г. Петербургское отделение банкирского дома было оформлено в торговый дом (полное товарищество) «Г. Вавельберг», располагавшийся на Невский пр., 25. После смерти Генриха Вавельберга совладельцами банкирского дома стали его сын Ипполит, его жена Луиза (Людмила) Сигизмундовна, их сыновья Михаил и Вацлав, дочь Ядвига, зять С. М. Ротванд. В 1890 г., за год до смерти, Генрих Вавельберг получил звание потомственного почетного гражданина.

И. Г. Вавельберг руководил семейным банкирским домом 11 лет. В 1901 г. после его смерти дело наследовал сын Михаил-Сигизмунд Ипполитович Вавельберг (1880 – после 1929). Он окончил Царскосельскую Николаевскую гимназию (1899) и юридический факультет Петербургского университета (1903). В 1908 г. Михаил Вавельберг выбрал свидетельство купца 1-й гильдии и возглавил семейный банкирский дом. М.И. Вавельберг являлся действительным членом фондового отдела Петербургской биржи, директором правления Донецко-Грушевского акционерного общества каменно-угольных и антрацитовых копий, директором акционерного Общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения, владел несколькими домами в Петербурге. Под его руководством банкирский дом «Г. Вавельберг» превратился в один из крупнейших частных банков России.

По инициативе М. И. Вавельберга 1 марта 1912 г. на основе их банкирского дома был учрежден Петербургский Торговый банк (с основным капиталом 10 млн руб.), а в 1913 г. – Варшавский Западный банк. М.И. Вавельберг являлся председателем правлений двух банков. Он и его родственники были наиболее крупными акционерами этих банков.

В 1911–1912 гг. М. И. Вавельберг финансировал строительство нового здания для Петербургского Торгового банка (Невский пр., 7/9). В нем разместились жилые комнаты семьи Вавельбергов, в нижних этажах располагался Торговый банк, правления Российской бумагопрядильной мануфактуры, Верхне-Исетских горных и механических заводов, а также

сталелитейных и механических заводов «Сормово». Огромное здание в стиле итальянских дворцов эпохи Возрождения было облицовано блоками серого гранита с колоннами, пилястрами и скульптурами. Современники из-за сходства здания с Дворцом дождей в Венеции и Палаццо Медичи во Флоренции называли его «дворцом дождей» или «денежным палаццо».

Торговый банк имел также отделения в Петербурге на Невском пр., 83, в Москве и Харькове.

Семья Вавельбергов была одним из крупнейших держателей акций Международного коммерческого банка, а также владельцами акций ряда крупных промышленных компаний, например Ленского золотопромышленного товарищества и др. Однако в 1915 г., во время Первой мировой войны, деятельность Петербургского Торгового банка была признана вредной. По решению Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов банк был лишен кредита в Государственном банке. После Октябрьской революции 1917 г. Вавельберги покинули Россию и уехали в Польшу и Францию.

В середине 1920-х гг. имя М. И. Вавельберга встречается среди членов парижской масонской ложи Гермес, из которых была создана группа вольных каменщиков в Польше. В 1928 г. М. И. Вавельберг и А. Эрдман обратились к великому мастеру Великой национальной ложи Польши С. Стемповскому с просьбой об открытии русской ложи в Варшаве. Однако русская ложа в Польше не была создана из-за начавшейся антирусской кампании, проводимой правительством Юзефа Константы Пилсудского³².

Польские банкиры в 1870–1880-х гг. совместно с другими учредителями принимали активное участие в образовании Петербургского Учетного и ссудного банка, Петербургского Международного коммерческого банка, Русского для внешней торговли банка, Петербурско-Азовского коммерческого банка. Они входили в состав правлений и советов этих банков, были их председателями и директорами. За свои заслуги некоторые из них получили потомственное гражданство, дворянство и баронский титул.

Петербургские коммерческие банки в период становления использовали опыт польских, прибалтийских, еврейских банкиров. Изначально, являясь лишь скромными посредниками в платежах, петербургские коммерческие банки превращались в важнейшую составную часть всей денежно-кредитной системы, от которой зависело экономическое развитие Российской империи. Постепенно петербургские банки становились крупнейшими игроками фондового рынка. Они активно кредитовали аграрный и производственный сектора российской экономики.

³² А. Серков, *История русского масонства XX века*, СПб., 2009, т. 2, с. 357–358.

В конце XIX – начале XX столетия по мере индустриализации страны, накопления делового опыта, расширения кредита, усиления связей с иностранными банками происходила европеизация российской банковской системы. Она становилась универсальной для всей страны, в том числе и для окраин Империи. Польские банки и банкиры постепенно теряли былые национальные особенности и приобщались к общерусской кредитно-банковской системе. К 1890-м гг. в значительной степени снижается прежняя активность польских финансистов в Петербурге, сокращается численность поляков в правлениях петербургских банков.

В конце XIX – начале XX в. Петербург превратился в главный банковский центр Российской империи, в котором насчитывалось 13 акционерных коммерческих банков. Для сравнения в Москве было 7 банков, Варшаве – 5, Риге – 3, Одессе и Лодзи – по 2 банка. Петербургские банки в начале XX в. выходят за пределы Российской империи. К 1914 г. они имели 17 заграничных филиалов, в том числе 5 в Париже, 3 в Лондоне и 3 в Берлине.

Кроме того, накануне Первой мировой войны в Петербурге насчитывалось 32 банкирских дома и конторы, а также более 20 меняльных лавок. Среди их владельцев также были выходцы из Польши. Для сравнения в то же время в Москве функционировали 14 банкирских контор и 14 меняльных лавок. В Варшаве было 31 банкирская контора и 12 меняльных лавок, в Одессе и Лодзи по 6 банкирских контор. Всего в России перед Первой мировой войной действовало около 300 банкирских домов и контор и около 90 меняльных лавок³³. Некоторые из крупных банкирских домов в начале XX в. преобразовались в акционерные коммерческие банки, например Вавельберг.

**Polish bankers and St. Petersburg banks
(in the middle of the XIX – early XX century)**

This article investigates the impact of Polish bankers on the formation of St. Petersburg joint-stock banks and development of the banking system of the Russian Empire. Petersburg's commercial banks, which were using the experience of Jewish, Polish and Baltic bankers, were initially only modest intermediaries in the payments, but after some time they became an important part of the whole monetary and credit system, which greatly impacted the economic development of the country. At the end of the XIX century, with the industrial development of the country, accumulation of the business experience, expansion of the banking, and strengthening of the ties with the foreign banks, the europeanization of the Russian banking system was taking place. It became universal throughout the country, including the outskirts of the empire. The Polish bankers were gradually losing old priorities and became attached to the all-Russian credit and banking system.

³³ РГИА, ф. 23, оп. 7, д. 605, л. 56, 103–106.